

«Я все люблю, до обожания»

140 лет назад в России родилась необыкновенная девочка

Есть особые женщины. Раритетные. Неповторимые. Одна из них — Мария Башкирцева. У нее был оригинальный девиз: «Ничего — прежде меня, ничего — после меня, ничего — кроме меня».

Веч. Москва-2000. — 28 июня. — С. 8

Юрий БЕЗЕЛЯНСКИЙ

Она родилась в России, в Полтавской губернии, в 1860 году. Умерла в Париже в 24 неполных года от чахотки в расцвете своего таланта.

За эти невеликие годы Мария Башкирцева успела оставить след в мировой культуре — написала «Дневник», который стал сенсацией, картины, которые украшают многие музеи; в Русском музее в Петербурге можно увидеть две: «Дождевой зонтик» и «Молодая женщина с букетом сирени».

Это была удивительная девочка и девушка. «Девочка, выскочка, гордочка», — как сказал о ней поэт. Муся Башкирцева (это ее домашнее имя) была очень талантлива. Уже зная, что конец ее близок, она вставала в 4—5 утра, чтобы удлиннить свой день: почитать «Гамлета» в подлиннике по-английски, порисовать и помузицировать: поиграть на рояле Шопена, а на арфе — что-то из классиков России.

Башкирцева жила на Земле. Она очень любила жизнь во всех ее проявлениях. «Самое гнусное на этом свете — это не принадлежать к нему, жить словно спрятавшись, не видеть интересных людей, не быть в состоянии обмениваться мыслью, не видеть людей знаменитых или блестящих. Вот это смерть, вот это ад!..»

Она была чрезвычайно тщеславной и амбициозной. «О, если бы я была королевой!» — так она писала еще маленькой девочкой. Чуть позднее: «Я хочу

быть Цезарем... дьяволом, папой... Я создана для триумфов и сильных ощущений»...

Дневник она вела с 12 лет. Его оригинал (более 5 тысяч страниц) хранится в Национальной библиотеке Франции. Дневник писался по-французски, которым отлично владела Мария Башкирцева, но отдельные записи сделаны на русском, итальянском и английском. Еще она знала латынь и греческий. Активно изучала историю (ее любимый автор — Плутарх) и философию. Интересовалась естественными науками. Прекрасно играла на нескольких музыкальных инструментах. И с детства мечтала стать певицей. Но неожиданно у Марии Башкирцевой пропал голос, и она «перешла» на живопись.

В частной академии живописи Рудольфа Юлиана она — одна из лучших учениц. Через одиннадцать месяцев обучения Башкирцева на общем конкурсе мастерской получает свою первую золотую медаль. Большой успех ей принесла работа «Жан и Жак» и особенно «Митинг». «Митинг» — всего лишь шесть мальчишек, которые тайно обсуждают свои мальчишеские дела. Тем не менее эту картину приобрел Люксембургский музей.

Конечно, Мария Башкирцева мечтала и о любви. У нее были выработаны свои принципы поведения по отношению к противоположному полу: не допускать «слабость, увлечение», быть «неприступной». Но при этом, как она считает, «...надо быть доступной только

для такого человека, в любви которого уверен и который не выдаст; относительно же людей, которые только ухаживают, надо быть покрытой иглами, как еж».

В 16 лет Мария Башкирцева, начитавшись романов Ги де Мопассана, решила заочно познакомиться с кумиром публики и со светским львом парижского общества. Она посылает ему письмо и просит разрешения быть его поверенной, то есть приобщиться к его тайнам. Свои письма к Мопассану Башкирцева подписывает так: госпожа Р. Ж. Д. Это обстоятельство никак не устраивает господина Мопассана. И в одном из своих писем к Башкирцевой он пишет: «...Меня вы более или менее знаете... А в каком положении я? Вы, правда, можете оказаться молодой и очаровательной женщиной, и в один прекрасный день я буду счастлив расцеловать ваши ручки. Но вы также можете оказаться и старой консьержкой, начитавшейся романов Эжена Сю. Вы можете оказаться образованной и перерзлой девицей — компаньонкой, тощей, как метла. А в самом деле, не худая ли вы? Не слишком, не правда ли? Я был бы в отчаянии, если бы мне пришлось иметь дело с тощей корреспонденткой. Незнакомкам ни в чем не доверяешь!..»

От личного знакомства с Ги де Мопассаном Мария Башкирцева наотрез отказалась, прекратила дальнейшую переписку. Это было за несколько месяцев до ее смерти.

В последний год Мария Башкирцева сблизилась с художником Жюлем Бастьен-Лепажем, он стал для нее другом и учителем. «Я просто без ума от него. Гений — что может быть прекраснее!» — записала она в дневнике.

Чувствуя неизбежный конец, Башкирцева рвалась к жизни, к ее биению, к трепету... «Боже мой, до чего это интересно: улица!.. Все эти человеческие физиономии, все эти индивидуальные особенности, эти знакомые души, в которые мысленно погружаешься».

И тот же 1884 год: «Мне кажется, что никто не любит всего так, как я люблю: искусство, живопись, музыку, книги, свет, платья, роскошь, шум, тишину, смех, грусть, тоску, шутки, любовь, холод, солнце, все время года, всякую погоду, спокойные равнины России и горы вокруг Неаполя... я все люблю до обожания. Все представляется мне со своих интересных и пре-

красных сторон: я хотела бы все видеть, все иметь, все обнять, слиться со всем и умереть, если надо, через два года или в 30 лет, умереть с экстазом, чтобы изведать последнюю тайну, это конец всего или божественное начало».

21 октября Мария пыталась лепить, но не смогла — задыхалась. Говорить ей было трудно, и слезы катились по щекам.

31 октября 1884 года Мария Башкирцева покинула белый свет. Жюль Бастьен-Лепаж, узнав о ее смерти, долго рыдал. Он умер через 5 недель после нее, 10 декабря. Его брат архитектор Этьен Бастьен-Лепаж спроектировал монументальную часовню, которая возведе-

на на могиле Башкирцевой.

В 1887 году во Франции вышли два тома дневников Марии Башкирцевой, которые стали, выражаясь современным языком, литературным хитом. В России дневник издали в 1895 году, и он сразу подвергся критике. В дневнике Башкирцевой, по замечанию одного критика, увидели лишь «ярмарку женского тщеславия».

В 1999 году «Дневник» Марии Башкирцевой был издан уже в постсоветской России.

«Мне часто говорят, что я — хорошенькая... мне хотелось бы стать личностью. Такой, чтобы после смерти мой дневник был интересен всем», — так писала Мария Башкирцева в 13 лет.